

© 1998 г.

В.П. КОНЕЦКАЯ

АКСИОМЫ, ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ГИПОТЕЗЫ В ЛЕКСИКОЛОГИИ

Лексикология, став по прогнозу И.А. Бодуэна де Куртене "творением XX века", приобрела необходимые признаки самостоятельной лингвистической дисциплины – определен предмет исследования, обоснованы собственные единицы и категории, сформулирована проблематика и исследован колоссальный объем конкретного лексического материала. Но лексикология не приобрела целостности, которая достигается в результате взаимодействия теории, практики и методологии. В известной мере это объясняется многообразием общелингвистических направлений, в русле которых развивалась лексикология, и различными целями исследования лексического материала в сравнительно-историческом и типологическом, структурном и функциональном планах. Частные исследования обширных пластов слов, различных классов лексических единиц, разнообразных лексико-семантических групп и семантических полей в диахронии и синхронии обнаружили специфику лексики как гетерогенной, открытой системы, развитие которой обусловлено лингвистическими и экстралингвистическими факторами. Данные смежных наук – психолингвистики, социолингвистики, этнологии, лингвострановедения и др. позволили существенно углубить проблематику лексикологии, придав ей эвристический характер.

Чем же располагает лексикология при переходе к новой научной парадигме – неофункционализму, представленному когнитивным и коммуникативным направлениями? Достижения лексикологии можно было бы оценить по скалярной схеме – в терминах аксиом, закономерностей и гипотез. В данной шкале оценок отсутствует самый жесткий параметр – закон. Это не случайно. В строгом понимании закон, устанавливаемый на основе существенных и регулярно повторяющихся зависимостей между фактами и явлениями, требует доказательства и не допускает исключений. Этим требованиям в лингвистике отвечают фонетические законы, например, законы А. Хольцмана, К. Вернера, общий закон германского словесного ударения В.М. Жирмунского [Жирмунский 1976: 283]. Некоторые типологические универсалии рассматриваются Р.О. Якобсоном как законы, в частности, законы предугадываемости (импликации) явлений, которые лежат в основе фонологической и, вероятно, морфологической структуры языков [Якобсон 1963: 99]. Якобсон признает, что частичные исключения из некоторых универсалий требуют "более гибкой формулировки соответствующих общих законов", но вместе с тем полагает, что "закон, нуждающийся в поправках, все же лучше, чем отсутствие всякого закона вообще" [Якобсон 1963: 100–101]. Рассматривая развитие количественных отношений в новых германских языках, В.М. Жирмунский подчеркивал различие между понятиями "закон" и "закономерность", полагая, что закономерности "остаются господствующими тенденциями, но не являются законами, которые не терпят исключений" [Жирмунский 1976: 286]. Совершенно очевидно, что для лексики эти жесткие требования практически не выполнимы в силу гетерогенности и динамичности системных, структурных и функциональных свойств слов. Поэтому применительно к лексикологии в шкале оценочных параметров более уместен термин "закономерность".

Аксиомы. В традиционном определении аксиомами признаются положения, которые, в отличие от законов, принимаются за исходные (истинные) без доказательств благодаря своей непосредственной убедительности. По своей природе лексикологические аксиомы неоднородны. Они устанавливаются: а) на базе общелингвистических постулатов; б) в результате синхронического исследования больших массивов лексики, позволяющих с достаточной степенью достоверности утверждать аксиоматичность того или иного положения (вывода); в) в результате диахронических исследований лексических микросистем, позволяющих установить их качественные и количественные изменения на длительном временном отрезке. В отличие от универсалий, аксиомы не претендуют на всеобщность; аксиоматичными могут быть положения, связанные с частными свойствами лексики.

На базе общелингвистических постулатов устанавливается целый ряд важнейших лексикологических аксиом.

На основе семиологической трактовки природы языка формируется аксиома о словесном знаке, которому присущи три измерения – семантика, обусловленная опосредованными связями слов и объектов, синтагматика, обусловленная отношениями слов друг к другу, и прагматика, обусловленная отношениями слов и коммуникантов. Эта аксиома позволяет обосновать теории лексической семантики, связанные с лексически релевантными функциями синтаксиса и функционально-оценочными характеристиками слов, определяемыми ситуативными факторами коммуникации – в конечном счете, позволяет представить слово в целостности.

На постулате об асимметричном дуализме языкового знака основывается аксиома об асимметрии плана содержания и плана выражения в словесном знаке. Эта асимметрия является результатом особенностей эволюции лексики и вместе с тем необходимым условием ее развития, определяемого противоречивыми тенденциями номинации – стремлением обозначать что-то, к развитию новых функций и стремлением обозначаемого к новым формам обозначения. Эта аксиома придает разноплановым и непредсказуемым изменениям в семантической структуре слова, в его функционально-стилистической ценности, в составе лексико-семантических групп объяснительный характер.

На основе положения о двух взаимосвязанных состояниях языковых знаков – дискретности и непрерывности (континуальности) формируется аксиома об отсутствии сходства в парадигматических отношениях и синтагматических связях слов как отражение диалектического единства сущности (языковой системы) и явления (речи). В составе парадигматических рядов лексические единицы (особенно имена конкретные, названия домашних животных, термины родства и т.п.) отличаются большей дискретностью, в синтагматике благодаря многоплановым связям сочетаются слова, входящие в различные парадигматические ряды, их значения входят в различные семантические поля – возникает семантическая непрерывность. Это положение хорошо иллюстрируется во многих исследованиях, например, различием репрезентативности синонимов и омонимов в парадигматике и синтагматике. В английском языке установлено, что 60% прилагательных реализуют антонимические отношения в парадигматике и лишь 17% – в синтагматике, переходные случаи составляют 18% [Шубина 1983: 7–9, 18–19]. На материале пяти германских языков показано различие в удельном весе слов различных словообразовательных типов в словаре и тексте [Кубрякова 1966: 102–104, 107–108]. На основе данной аксиомы Д.Н. Шмелев сформулировал положение о парадигматической и синтагматической закреплённости слова как закономерность – "степень парадигматической закреплённости слова как лексико-семантической единицы находится в обратной зависимости от степени его синтагматической закреплённости" [Шмелев 1973: 190].

На постулате о тождествах и различиях как основных принципах, определяющих системные отношения языковых знаков, базируется аксиома о наличии двух типов системных отношений лексических единиц: а) в классификационном типе на основе принципа тождества семантических признаков различной степени обобщенности вы-

деляются лексикологические категории классов слов, лексико-семантических групп (ЛСГ) и словообразовательных рядов; б) в корреляционном типе на основе принципа взаимообусловленности тождественных и различительных признаков выделяются категории синонимов, паронимов, омонимов, дублетов, вариантов (в инвариантном подтипе), категории конверсивов и антонимов (в импликационном подтипе) и словообразовательные категории (в инвариантно-импликационном подтипе – в словообразовательных цепочках и гнездах). Важность данной аксиомы состоит в том, что, несмотря на различие в теоретической интерпретации типов семантических связей слов и значений (ср. [Щур 1974: 159–165; Никитин 1988: 67–68; Конецкая 1984]), выделенные на основе этих связей категории принимаются в лексикологии как исходные, позволяющие сопоставлять результаты различных исследований.

Дискуссионный постулат о произвольности языкового знака дает основание для аксиомы об ограниченной мотивированности словесных знаков. Дело в том, что не все производные и даже сложные слова, которым приписывается высокая степень мотивированности, обладают ею. Особенно это справедливо в отношении разговорной лексики, например: русск. *отгрохать*, *усечь*, нем. *abluchsen* "выманивать" (< *luchsen* "шнырять" < *Luchs* "рысь; хитрец, проныра"), англ. *boffo* "оглушительный", *yuppie* "преуспевающий и амбициозный молодой профессионал" (< *young people* "молодые люди").

При трактовке слова как основной единицы языка на первый план выдвигаются другие аксиомы, связанные с постулатами о функциях языка, о его уровневой структуре и др. Важно, что аксиомы, построенные на общелингвистических и методологических положениях, служат единой исходной базой для исследования лексики и, вместе с тем, не ограничивают возможности разностороннего анализа фактологического материала.

Ко второму виду аксиом относятся положения, связанные с синхроническими и сопоставительными исследованиями больших пластов слов в различных языках. Такие аксиомы приближаются к универсалиям. Рассмотрим некоторые из них.

Аксиома о функционально-стилистической дифференциации лексики. Количество выделяемых стилей и их теоретическая интерпретация различны. Но значение аксиомы заключается в самом факте функционально-стилистической дифференциации лексики как неотъемлемой ее характеристики, обеспечивающей эффективную коммуникацию.

Аксиома об эпидигматических или деривационных (в широком смысле) связях как особом типе системных отношений, присущих только лексике. Эти отношения реализуются на уровне лексем как собственно словообразование, на уровне словозначений как семантическая деривация и на уровне лексико-семантических вариантов как вариативность. Взаимообусловленность ассоциативно-смысловых и словообразовательных связей слов является "третьим измерением" лексического значения [Шмелев 1973: 199].

Аксиома о вариативности лексики по разным параметрам – фонетическому, морфологическому (формообразовательному и словообразовательному) и семантическому как непереносимое условие эволюции и функционирования естественного языка.

Аксиома о взаимодействии центра и периферии как принципа организации лексико-семантических групп и семантических полей. Центр группы и поля образуют единицы с меньшим количеством дифференциальных семантических признаков, к периферии относятся единицы с большим количеством дифференциальных семантических признаков. Взаимодействие центра и периферии регулируется центростремительными силами, обновляющими центр за счет периферии, и центробежными силами, пополняющими периферию. При этом могут образовываться новые смысловые центры, выходящие за пределы данной группы и поля. Различие между центром и периферией проявляется иногда в распределении омонимов. На основе исследования всего массива английских омонимов отмечено, что по мере приближения к центру словарного состава

удельный вес омонимов увеличивается. Среди первой тысячи частотных слов омонимы составляют 25%, среди первых 5 000 частотных слов – 13,3%, среди 20 000 частотных слов – всего 4,2% [Тышлер 1966: 15].

Аксиома о зависимости удельного веса омонимов от структурного типа слов – для краткосложных слов характерен большой удельный вес омонимов (см. Тышлер 1966: 15; Ульман 1970: 271; Шайкевич 1962: 18)].

Третий вид аксиом основывается на результатах диахронических исследований больших массивов лексики.

Аксиома о действии диахронических констант в развитии и изменении лексики, к которым относятся так называемое расширение и сужение значения, ухудшение и улучшение значения. Эти процессы изменения логико-понятийного и оценочного компонентов содержания слова достаточно хорошо изучены, выявлены их причины лингвистического и экстралингвистического характера; тем не менее традиционные термины сохранились со времен В. Гумбольдта, поскольку они отражают суть семантических изменений, равно как и их основные направления – радиальное, ступенчатое и смешанное развитие значений. В современной интерпретации эти направления обусловлены неоднородностью компонентов семантической структуры слова, развивающейся по линии семантической деривации и вариативности.

Аксиома о наличии двух основных способов семантической деривации – на основе метафорических ассоциаций (симиляция) и метонимических (импликация), обоснованных С. Ульманом как исторические универсалии в семантике [Ульман 1970: 274–276].

Аксиома о различном темпе изменений в составе лексико-семантических групп и в семантической структуре отдельных слов, составляющих эти группы. Исследования на материале различных языков [Fodor 1961; Cowan 1959] опровергают теорию глоттохронологии, согласно которой основной словарный фонд изменяется и обновляется с одинаковым темпом [Сводеш 1960: 53–87]. Несостоятельность этого положения подтверждается действием принципа сбалансированности устойчивых и неустойчивых элементов в любой системе – одинаковый темп изменения этих элементов привел бы к дисфункции или распаду системы.

Аксиома о борьбе противоречий как главной движущей силе развития языка основывается не только на общефилософском положении, но прежде всего на результатах фундаментальных диахронических исследований языка (см. [Расторгуева 1980]). Противоречия обусловлены тремя группами факторов, связанных с языковой ситуацией, с закономерностями развития частных микросистем и функционированием лексических единиц различных разрядов. Противоречивый процесс развития и изменения лексики проявляется в типовых тенденциях лексической динамики, обобщенных в следующих оппозициях [Ивлева 1984]: а) переход от внешних признаков к внутренним и наоборот – формальная и семантическая контаминация слов, ассимиляция заимствований, переход слов в другой лексико-грамматический разряд; б) переход от сложного к простому и наоборот – изменения в семантической и словообразовательной структурах слова (преобразование словосочетания в сложное слово, затем в корневое слово, которое впоследствии может войти в состав нового сложного слова); в) переход от старого к новому и от нового к старому, но на другом уровне – архаизация слов, развитие неологизмов на основе архаизмов, получающих видоизмененную коннотацию; г) переход от случайного к необходимому и наоборот – образование омонимов в результате распада полисемии или контаминации форм, происходившей на фоне народной этимологии, переход окказионализмов в регулярное словоупотребление.

Самоочевидность некоторых аксиом не умаляет их значения для лексикологии. С одной стороны, они "экономят" время исследователя при аргументации истинных положений; с другой стороны, они являются потенциальным источником возникновения гипотез – новая интерпретация именно истинных положений способствует крупным открытиям.

Закономерности в лексикологии понимаются как прогнозируемые характеристики лексических единиц, поскольку проявляются при определенных условиях. Часто им-

пликационного характера, и имеют тенденцию к устойчивости. Закономерности основываются на анализе конкретного лексического материала в синхроническом и диахроническом планах. По своей значимости для лексикологии они могут быть оценены как общие и частные.

Общие закономерности выводятся на основе сопоставительного анализа лексики нескольких языков или типологических исследований. В этом случае они тяготеют к универсалиям и формулируются иногда как законы.

К таким закономерностям относится вывод об обратной пропорциональности сложности морфемки и семантической структуры слова – чем сложнее слово-образовательная структура лексических единиц, тем проще их семантическая структура [Головин 1983]. Для сложных слов полисемия не характерна, она присуща корневым и некоторым производным словам. Вместе с тем, для английских глаголов со сложной структурой аналитического типа характерна сложная семантическая структура, либо по типу семантической деривации – 39% (*make up, take up, set off*), либо по типу семантического варьирования – 5% (*give up, take in*), моносемантические глаголы составляют 35% [Белая 1995: 13]. Отсутствие вышеупомянутой закономерности в глаголах аналитического типа объясняется неоднородностью их деривационной истории, обусловленной разноплановыми факторами. в частности: семантическим типом исходного глагола (многозначного, широкозначного), характером исходного словозначения (прямого, переносного), степенью абстрагированности второго адвербиального компонента и др.

Закономерность о прямом соответствии между количеством значений в слове и его относительной частотностью сформулирована Дж.К. Ципфом как "принцип множественности значений" [Zipf 1945: 144]. Следует принять во внимание предостережение С. Ульмана, который, комментируя вывод и формулу Ципфа, отмечает несовершенство словарей как исходной базы, не гарантирующей четкого разграничения значений [Ульман 1970: 268]. Для обоснования этой закономерности необходимы более жесткие критерии статуса единиц семантической структуры слова, хотя бы словозначений и лексико-семантических вариантов.

Закономерность о зависимости развития лексической полисемии от типа и характера семантики слова сформулирована И.Г. Ольшанским на материале немецкого языка как импликация: "чем больше семантических компонентов включает значение данного типа словесных знаков, чем содержательнее аспект ЛЗ, тем активнее полисемические потенции слова и выше уровень его многозначности" [Ольшанский 1995: 393]. Существенный для лексикологии вывод о том, что полисемия в большей степени характерна для слов, семантика которых включает конкретные признаки объектов, свойств и действий, соотносится с данными сопоставительного исследования немецкой и французской лексики – отмечено, что в немецком языке преобладают конкретные слова с "частными" значениями, обладающие высокой степенью мотивированности [Ульман 1970: 261–262]. По сравнению с французским языком, в английском отмечается так же преобладание слов с "частными" значениями [Halliday 1966: 35].

Ряд закономерностей основан на исследовании синонимов. В качестве общего принципа синонимии С. Ульман обосновал "закон притяжения синонимов", суть которого проявляется в тенденции обозначать жизненно важные для данного коллектива реалии большим числом синонимов. Частным случаем проявления этой закономерности является "иррадиация синонимов" – тенденция синонимичных слов к аналогичному развитию семантики [Ульман 1970: 266; Гак 1977: 27]. Это подтверждается диахроническими исследованиями различных групп синонимов, особенно прилагательных – при смене синонимических доминант каждая последующая как бы повторяет частично ступени семантического развития предыдущей. Это объясняется стереотипностью смысловых ассоциаций. Комментируя "закон дистрибуции" М. Бреала, согласно которому слова, бывшие синонимами, в процессе развития дифференцируются настолько, что перестают быть взаимозаменяемыми, С. Ульман

отмечает, что эта тенденция не имеет универсального характера [Ульман 1970: 265]. К этому можно добавить, что пути и скорость дифференциации синонимов определяются различием в ранге синонимичных значений – синонимические связи менее устойчивы между основным и второстепенным значениями слов, например, англ. *business* "дело, постоянное занятие", *deed* "поступок", *craft* "ремесло", *travail* "муки", *occupation* "занятие" и др., функционировавшие в древний и среднеанглийский периоды в качестве синонимов многозначного существительного *work* "работа" во второстепенных значениях, практические потеряли эти связи. Устойчивыми оказались синонимические отношения между словами с основным значением "работа": *work, job, labour, chore, drudgery, swink, toil, moil*, различающиеся по смысловым и стилистическим признакам.

Закономерность семантического согласования слов, которая обусловлена определенными правилами семантической комбинаторики [Никитин 1988: 43], формулируется как "закон семантического сочетания слов" [Так 1977: 23] и как "закон избыточности связей двух любых коррелирующих в ней единиц" [Караулов 1987: 101]. Суть этой закономерности, имеющей разную интерпретацию в теории семантической комбинаторики, в теории значения и в обосновании тенденций ассоциативно-семантической сети, сводится к тому, что актуализации содержания необходимо определенное семантическое согласование сочетающихся слов; при этом должны быть соблюдены определенные условия – сочетающиеся слова должны иметь хотя бы одну общую сему, не иметь несовместимых сем и иметь специфические, различающиеся семы [Так 1977: 23], если связь слов реальна, она не единична, не однопризнакова, она должна поддерживаться несколькими другими признаками или основаниями [Караулов 1987: 101]. Избыточность семантических связей оправдана, тем более, что эти связи могут быть обусловлены разными основаниями – классификационными, инвариантными, конвенциональными, контекстуальными и др. Возможность осмысленных сочетаний при относительной несовместимости признаков (*кричащие камни, танцующие березки* и т.п.) связана с образностью, контракцией сочетаний, мимолетными ассоциациями и не противоречит общей закономерности – исключения лишь подчеркивают норму.

Существенными для лексикологии закономерностями являются некоторые общие тенденции в развитии метафор, отмеченные С. Ульманом: а) "семантический закон" Г. Шпербера о метафорной "экспансии" – метафорические переносы по аналогии в словах определенного эмоционального "комплекса", б) распространенность метафор антропоморфического типа, в) доминирование метафор с переходом значения от конкретного к абстрактному, г) развитие синестетических метафор в направлении от признаков сферы осязания (иногда – зрительного восприятия) к признакам слухового восприятия [Ульман 1970: 276–280]. В русском языке можно наблюдать метафорические сдвиги в семантике слов, обозначающих социально значимые реалии современного общества – *челноки, боевики, (ночные) бабочки, раскрутка, крутой (бизнесмен)* и др. Помимо антропоморфических метафор во многих языках распространены зоосемические метафоры – различие заключается в оценочной коннотации – положительной и негативной. Метафорический перенос от конкретного к абстрактному с большей регулярностью проявляется в прилагательных, обозначающих размер, физические ощущения.

Ценность общих закономерностей состоит в том, что они позволяют определить тенденции в развитии лексики различных языков; эти тенденции могут быть использованы в качестве оснований для сопоставительного анализа. Частные закономерности представляют не меньшую ценность для лексикологии, так как позволяют выявить конкретные условия, в которых проявляются специфические черты отдельных лексических микросистем.

Одной из таких закономерностей является количественная соотнесенность мелиоративов и пейоративов в лексико-семантических группах. Анализ словарного состава английского языка показывает доминирование слов с положительной оценкой, осо-

бенно в разряде существительных. Это подтверждает вывод Н.Д. Арутюновой о том, что базисное положение в словаре занимают признаки позитивной оценки и что они имеют более прочные связи с дескриптивными оценками – "отрицательные смыслы образуются от положительных, а не наоборот" [Арутюнова 1988: 235]. Безусловно, словарь не отражает весь объем потенциальных пейоративов, которые могут быть легко образованы при помощи отрицательных префиксов и суффиксов.

Вместе с тем, исследования оценочных слов свидетельствуют о преобладании пейоративов в определенных лексико-семантических микросистемах, например, в ЛСГ эмоций и чувств, физических и психических свойств. Это объясняется высокой степенью экспрессивности данной лексики, но почему именно в плане негативной оценки? Показательным в этой связи является психолингвистический эксперимент с носителями русского языка на материале глагольных фразеологических единиц. Оказалось, что большее число фразеологизмов представляет негативный полюс "бесконтрольного поведения", то есть фразеологизмы чаще используются для оценки неадекватного поведения, чем для одобрения позитивного [Петренко 1988: 143]. Повидимому, и в фразеологизмах и в лексемах, ориентированных на человека как субъекта деятельности, положительная оценка осознается как норма, не нуждающаяся в особом выделении.

Исследования ЛСГ, содержащих прилагательные с положительной и негативной оценкой, показали, что последние более динамичны в своем развитии – за один и тот же отрезок времени именно пейоративные прилагательные подвергаются большему видоизменениям. Исследование изменений оценочных признаков французских существительных за послевоенный период показало, что "ухудшили" свою оценочную коннотацию 150 ЛСВ – 6,9% исследуемых единиц. Лишь в небольшом числе ЛСВ – 20 единиц (0,9%) отмечено "улучшение" значения. Снижение стилистической коннотации отмечено лишь у 100 ЛСВ (4,6%), "повышение" стилистической коннотации отмечено лишь у 5 ЛСВ [Балашов 1989: 11].

На основе имеющихся данных закономерность о количественной соотношенности мелиоративов и пейоративов можно сформулировать следующим образом – относительное преобладание слов с негативной оценкой характерно для ЛСГ, связанных с оценкой человека как субъекта деятельности.

Закономерность, которая претендует на всеобщность и формулируется К. Ажежом как закон "второго более тяжелого", основывается на наблюдениях за так называемыми дейктическими биномами типа *рано* или *поздно*, *там* и *здесь* – второе место, как правило, занимает более сложное слово или слова, акустический спектр которых обладает концентрацией низких частот. Комментируя эту закономерность, Ю.Н. Караулов справедливо отмечает ее схематичность, не отражающую национальную особенность языка и его носителя [Караулов 1987: 5–6]. Акцентно-ритмические особенности английского, немецкого и шведского языков, несмотря на определенные различия, обуславливают данную закономерность в парных сочетаниях синонимов, антонимов и слов с близкими значениями, например: англ. *bright and shining*, *high and mighty*, *flat and plain*, *lord and master*, *pick and choose*, *from fair to middling*; нем. *Blut und Wunden*, *Grund und Boden*, *Art und Weise*; швед. *fur och flamma*, *fix och färdig*, *loss och ledig*. Во фразеологизмах русского языка наблюдается та же закономерность – *гол как сокол*, (*сменить*) *гнев на милость*, (*метать*) *громы и молнии*, *ни к селу ни к городу*. Вместе с тем, в двучленных сочетаниях используются и равноценные по сложности слова, например: англ. *flesh and blood*, *sooner or later*; русск. *день и ночь*, *ни пуха ни пера*. Фиксированность позиции членов сочетаний может быть обусловлена рядом причин: а) внутренней логикой – естественной последовательностью сопоставляемых или противопоставляемых объектов, действий, состояний – англ. *cut and dried*, *dead and buried*, (*to go*) *through fire and water*, *forgive and forget*; русск. *ни жив ни мертв*, (*пойти*) *в огонь и воду*, *преступление и наказание*; б) степенью относительной близости сопоставляемых или противопоставляемых

объектов к субъекту или их значительности – англ. (*bound*) *hand and foot, bread and butter, (just) skin and bones, (to play) cat and mouse*, но (*to move*) *heaven and earth*; нем. *zittern Himmel und Erde*; швед (*röra upp*) *himmel och jord*; русск. (*связан*) *по рукам и ногам, хлеб с маслом, кожа да кости, (игра) в кошки – мышки*, но *между небом и землей*; в) традиционным словоупотреблением и рифмой – англ. *by leaps and bounds, by hook or by crook*, русск. *ни свет ни заря, шито – крыто*; г) акцентно-ритмическими особенностями парных сочетаний, при отсутствии вышеназванных причин. Таким образом, отмеченная закономерность не имеет всеобщего характера и проявляется избирательно в зависимости от различных факторов, которые в разных языках могут совпадать (чаще а и б) и не совпадать (в и г).

В качестве частной закономерности в английском языке отмечается обусловленность регулярности взаимосвязей членов синонимико-антонимических групп их частеречным статусом. В существительных и глаголах лишь один из синонимов соотносится с антонимом, в прилагательных обычно два синонима образуют антонимические пары, в наречиях один член синонимического ряда может иметь два и более антонима. В группах существительных количество синонимов превышает количество антонимов в 2,2 раза, в группах глаголов – почти в 2 раза, в группах прилагательных – в 1,5 раза и в группах наречий – в 1,2 раза [Маргарян 1988: 15–17].

Исследование вариативности в немецком языке обнаружило тенденцию к неравномерному ее проявлению и различной обусловленности в разных частях речи. У существительных вариативность выражена сильнее, что объясняется тенденцией к номинализации, активными процессами заимствования, а также влиянием терминологических региональных особенностей. В вариативности глаголов и прилагательных значительную роль играют остаточные формы и их взаимодействие с более поздними формами [Ивлева 1984: 21].

Следует подчеркнуть, что многие из частных лексических закономерностей так или иначе связаны с особенностями частей речи. Анализ и обобщение этих закономерностей позволили бы обосновать гипотезу о доминирующей роли функциональной дифференциации лексико-грамматических разрядов слов, определяющей во многом их лексические и лексико-семантические характеристики.

Гипотеза понимается как научное предположение, содержащее объяснение свойств определенных фактов, на основе которого строится теория. Являясь важнейшей ступенью научного знания, гипотеза проходит сложный путь, прежде чем стать теорией или аксиомой. Разные гипотезы находятся на разных этапах верификации; это следует учитывать при исследовании лексики. К верифицированной со знаком "плюс" можно отнести гипотезу о нежестких, вероятностных закономерностях лексических явлений. К верифицированным со знаком "минус" следует отнести гипотезу об обновлении основного словарного фонда с одинаковым темпом, лежащую в основе глоттохронологической теории. В том и другом случае основным критерием верификации служит соответствие данных исследований конкретного материала выдвигаемым общеполитическим и/или методологическим положениям теории.

Имеются различные типологии гипотез (см. [Постовалова 1980: 8–9, 62; Селиверстова 1996: 263–264]). Проецируя эти типологии на лексический материал, представляется целесообразным исходить из одного принципа – источника обоснования гипотезы: 1) новый эмпирический материал, который, но каким-либо причинам, ранее не исследовался; 2) новая теоретическая интерпретация уже известных фактов или фундаментальных положений; 3) факты и данные из других наук, использование которых оправдано принципом изоморфизма.

Среди гипотез первого вида существенными для лексикологии являются те, в которых дается объяснение обусловленности функциональных и семантических свойств слов их частеречной принадлежностью. Так, в исследовании динамики лексических значений основного терминологического слоя М.В. Марчук обосновывает гипотезу о том, что "в многоязычном терминологическом словаре лексическая мно-

гозначность термина должна уменьшаться пропорционально числу языков, принимающих участие в терминологическом словаре" [Марчук 1996: 53]. Одним из результатов многофакторного корреляционного анализа большого по объему материала является вывод о неодинаковой динамике лексических значений в терминологических словах различных лексико-грамматических разрядов и объяснение этой закономерности. Наибольшее число изменений (появление новых и уход старых значений) характерно для существительного – появление новых значений объясняется номинацией "как средством развития". Новые значения прилагательных, даже с высокой частотностью, проявляются в меньшей степени, их появление обусловлено лексической сочетаемостью, новые значения в глаголах появляются главным образом в результате сочетаемости [Там же: 37].

Есть основания полагать, что отмеченная взаимозависимость действует не только в терминологической лексике, но и в других функционально-стилистических стратах слов. Так, среди коллоквиальных неологизмов немецкого языка существительные составляют 67,3%, глаголы – 10,3%, прилагательные – 6,7%, другие части речи – 0,6%, фразеологизмы – 15,1% [Демин 1981: 16].

Данные выводы хорошо согласуются с выявленными тенденциями частеречной дифференциации слов английского языка в плане их семантического типа – существительные тяготеют к полисемии (в результате активных процессов семантической деривации), прилагательные – к лексико-семантическому варьированию (в результате широкой сочетаемости), в семантической структуре глаголов полисемия и варьирование уравновешены [Кудреватых 1996: 42]. Таким образом, проявление дифференциации лексико-грамматических разрядов слов обусловлено их функциональной природой и типом их семантической структуры.

Определенная зависимость между денотативным и сигнификативным аспектами лексической семантики и синтаксической позиции слова, обоснованная Ю.С. Степановым, имеет существенное значение для исследования лексики в коммуникативной функции. Отмечено, что в естественных языках денотатные имена тяготеют к позиции субъекта высказывания, а сигнификативные имена – к позиции предиката [Степанов 1977: 331].

На основе психолингвистического эксперимента Г.С. Щур предложил гипотезу о трехчастной классификации лексических ассоциаций как более обобщенной, опирающейся не только на экспериментальные данные, но и на их теоретическое осмысление других фактов языка [Щур 1971: 147–150]. При исследовании системных отношений лексики эта гипотеза позволяет учесть и вместе с тем дифференцировать основные типы ассоциативных групп слов – онтологические (парадигматические и синтагматические), эмпирические, отражающие объективный опыт индивидуумов, обусловленный экстралингвистическими факторами, и чисто психологические, обусловленные индивидуальными или "случайными" ассоциациями.

В связи с гипотезой об обратной зависимости между степенью широкозначности, полисемии слов и объемом словаря привлекает внимание вывод В.Г. Гака, который в результате типологического анализа французского и русского языков отмечает, что благодаря широкозначности, полисемии, большому удельному весу десемантизированных элементов и другим особенностям французских слов создаются условия для "парадигматической экономии" – французский словарь меньше по объему, чем словарный состав других развитых языков [Гак 1989: 260]. По-видимому, для обоснования данного положения, вытекающего из сопоставительного анализа, требуется предварительная унификация в определении семантических компонентов слов и их семантических типов в разных языках.

Несомненный интерес для лексикологии представляет гипотеза о соотносительной скорости изменения формы и содержания слов. Многие исследователи склонны думать, что форма меняется быстрее, чем содержание. Так, М.В. Арапов полагает, что процесс изменения означающих происходит на фоне сохранения означаемых, которые изменяются медленнее. Доводом в пользу данной гипотезы автор считает положение о

том, что "даже в различных языках слова с близким смыслом имеют близкий статус" [Арапов 1988: 104]. Учитывая гетерогенность лексической системы, думается, что данный вывод имеет относительный характер – диахронические исследования свидетельствуют о том, что в разных лексико-семантических группах скорость изменения формы и содержания слов может быть разной и определяется многими факторами. Следует также предварительно определить критерии абсолютного и относительного изменения формы и содержания, что является непростой задачей.

Ряд гипотез второго вида, связанных с новой интерпретацией традиционных или дискуссионных положений, имеет непосредственное отношение к лексикологическим проблемам.

Обоснование А. Вежицкой гипотезы об "алфавите человеческой мысли" – существовании своеобразного "ментального языка" [Wierzbicka 1980] получило большой резонанс в лингвистическом мире. Но остается дискуссионным вопрос о достаточности предложенных "семантических примитивов" – минимума знаков, на основе которых могут быть перефразированы все предложения. Об этом свидетельствует варьирование количества "семантических примитивов" – от 13 до 15 единиц [Там же: 10 и 37]. Но сам подход к фундаментальной проблеме – возможности типизации человеческой мысли в терминах естественного языка привлекателен своей экономичностью и возможностью верификации. Это открывает также перспективу для изучения лексических прототипов коммуникации.

Подход Б.М. Гаспарова к языку, при котором на первый план выступает бесконечный и нерасчлененный поток языковых действий, позволил обосновать гипотезу о свойствах языковой памяти, согласно которой первичной единицей владения языком является "коммуникативный фрагмент" (КФ). "Это целостный отрезок речи, который говорящий способен непосредственно воспроизвести в качестве готового целого в процессе своей речевой деятельности и который он непосредственно опознает как целое в высказываниях, поступающих к нему извне" [Гаспаров 1996: 118]. Именно КФ, а не слова «представляют собой частицы языкового материала, который в совокупности составляет базовый "лексикон" языковой памяти» [Там же: 126]. Хотя границы КФ остаются неопределенными, для лексикологии такой подход представляет несомненный интерес в плане изучения слова в коммуникативной функции. Особенно вывод о взаимозависимости контекста и элементарной единицы "сознательной языковой деятельности". По мнению Б.М. Гаспарова, в отличие от слова, значение которого конкретизируется контекстом, КФ сам направляет и фокусирует контекст [Там же: 133]. Такой подход позволяет, хотя бы в гносеологическом аспекте, обосновать механизм перехода слова из языковой системы в речевую актуализацию.

Рассматривая комбинаторику в качестве основного принципа организации всех языковых единиц – формы их существования, эволюции и взаимодействия, М.М. Маковский обосновывает ряд положений этой гипотезы, связанных с видами отношений языковых единиц, с их причинно-следственными связями, вариативностью, соотношением лингвистического времени и языковой структуры [Маковский 1988]. Для синхронического и диахронического исследования лексики существенными представляются: 1) положение об обратном отношении качественных и количественных характеристик лексических и сематических единиц, которое наблюдается в их синтагматических, парадигматических и иерархических связях [Там же: 9]; 2) обоснование механизма выхода слов и значений из языка и появления новых слов и значений в результате взаимного наложения "запретов" со стороны словоформ и со стороны комбинаторного варианта значения [Там же: 10]; 3) вывод о том, что "чем большим последовательным сменам подвергался показатель стабильности на протяжении развития языка, тем менее длительность его действия в данном языковом континууме" и наоборот [Там же: 121].

Возвращаясь к проблеме соотносительности центра и периферии, целесообразно упомянуть гипотезу Й. Вахека о существовании в языке двух противоположных тенденций – стремления периферийных элементов к интеграции в систему и стремления к

интеграции. Существенным для лексикологии в данной гипотезе является обоснование факторов, определяющих эти тенденции. Они имеют функциональный характер – связаны не столько с собственно языковыми (структурными) признаками слов, сколько с их эмотивной функцией, сигнализирующей о субъективном, личностном подходе говорящего к реалиям действительности. К числу экстралингвистических факторов, не допускающих интегрирование некоторых элементов в систему, относятся политические, экономические, культурологические и даже физиологические [Vachek 1966: 33–35].

Одним из принципиальных вопросов в исследовании лексики является семантическая типология слов как отражение их семантической структуры. Различие в обосновании семантических типов слов объясняется неоднозначным пониманием компонентов, составляющих семантическую структуру и функционирующих в качестве двусторонних единиц номинации, в частности, словозначений и лексико-семантических вариантов, которые, кстати, часто взаимозаменяются. Между тем, их природа и функционирование имеют существенные различия. Для словозначений, как двусторонних единиц номинации, характерны: отношения семантической деривации, сопровождаемой семантическим сдвигом, актуализация собственных категорий, определяющих валентность, автосемантизм. Для ЛСВ, как двусторонних единиц номинации, характерны: отсутствие семантической деривации, семантическая непрерывность, актуализация несобственных категорий, обусловленная сочетаемостью, синсемантизм. Словозначения характеризуют полисемию, ЛСВ – вариативность слова. Кроме того, имеются синкретичные единицы номинации – синкреты, способные актуализировать одновременно два или более семантических признаков, например, признаки физического и психического состояния субъекта и т.п. Различие в онтологических и функциональных свойствах составляющих семантическую структуру слова позволяет обосновать его семантическую типологию. На основе комплекса критериев – эпидигматического, функционального и семантического (категориальный, интегральный и дифференциальный уровни) выделяются пять основных семантических типов и один смешанный (подробнее см. [Конечкая 1993]). Данная семантическая типология слов дает возможность для сопоставительного исследования структурно-семантических и функциональных аспектов лексики на новой основе.

Гипотезы третьего вида, основанные на принципе изоморфизма, занимают особое место в лингвистике. Они дают возможность проверки выдвинутых ранее положений и позволяют обосновать нестандартный подход к решению проблемы, которое может содержать элемент новизны или даже опровергнуть фундаментальный научный тезис. Обоснование новых гипотез на стыке разных наук поощрялось многими учеными. Известно, что эвристическую ценность гипотез, причем построенных на данных по возможности отдаленных друг от друга областей, подчеркивали А. Эйнштейн и Л.Д. Ландау; на возможность использования понятий механики при объяснении языковых явлений указывали Фр. Бопп и Бодуэн де Куртенэ. Наличие ярких аналогий в развитии науки о языке и различии между классической и квантовой механикой отмечал Р.О. Якобсон [Якобсон 1963: 101–102]. Категоричное высказывание Ньютона *hypotheses non fingo* ("гипотез не измышляю") следует понимать в том смысле, что гипотезы не выдумываются, а обосновываются на базе фактов изоморфности глобальных принципов всего функционирующего, живого.

Сложность реализации такого подхода заключается в определении границ изоморфности свойств и функций сопоставляемых объектов или их совокупностей, в риске исказить онтологическую сущность исследуемого объекта. Как показал опыт натуралистического направления в языкознании (А. Шлейхер и др.), интерпретация языковых явлений и закономерностей "по образу и подобию" других наук, построенная лишь на внешних признаках, является непродуктивной. В применении к лексикологии отмеченная сложность усугубляется спецификой лексического материала, проявляющейся в микросистемах и трудно поддающейся обобщению.

Попытки обоснования такого подхода к языковым явлениям связаны, главным

образом, с закономерностями, наблюдаемыми в живой природе, а также с экспериментальными и теоретическими достижениями физики. Это объясняется пониманием языка как целостного развивающегося организма, структура и функция которого обусловлены не только лингвистическими факторами, но и экстралингвистическими, а также материализацией его элементов во времени и пространстве.

Рассматривая проблему изоморфизма между генетическими и лингвистическими кодами, М.М. Маковский, с опорой на генетическую теорию Г. Менделя и положения теории относительности, обосновывает новую концепцию диалектики языковой эволюции в плане "внутренней" и "внешней" семиотики [Маковский 1992]. Внутренние механизмы и закономерности преобразований в языке объясняются через понятие языкового гена и генетической цепи в языке. Внешние показатели преобразований связаны с генетической сущностью детерминативов, преформативов, инфиксов. С этих позиций на базе большого лексического материала индоевропейских языков автор по новому интерпретирует механизм изменчивости и вариативности отдельных элементов языка, соотношение означаемого и означающего в слове, формулирует генетические законы [Там же: 94–95].

В диахронических исследованиях лексики отмечаются различные направления в ее развитии, в том числе "по спирали". Этот процесс обозрим на уровне некоторых лексических микросистем и слов, которые в своем развитии успели совершить несколько "витков", зафиксированных в письменных источниках. Для регистрации нескольких качественных видоизменений в языке как сложной системе необходимо более длительное время. Это согласуется с физическим законом, согласно которому скорость меняется тем медленнее, чем больше масса [Фейнман 1968: 3]. Можно высказать предположение, что между развитием лексических единиц "по спирали" и структурой их семантических компонентов существует определенная связь. Это получает подтверждение на примере спиралевидной структуры молекулы ДНК как природного соединения в ядрах клеток живых организмов (кстати, спиралевидная структура представлена и на макроуровне – она характерна для нашей Галактики). Для молекулы ДНК структура с двойной спиралью сплетенных друг с другом цепей, построенных из большого числа "монолитов" четырех типов, оказалась наиболее оптимальной в плане реализации существенных функций – хранения генетической информации, программирования синтеза белков, обеспечения генов устойчивостью и способностью к самовоспроизведению.

Кумулятивной способностью – накоплением смысловой информации обладают семы – элементарные семантические единицы. Взаимодействуя друг с другом, они обеспечивают актуализацию смысла – "синтезируют" его из множества семантических признаков, способствуют устойчивости семантического инварианта слова как генетического прототипа и развитию новых вариантов. В семасиологии разработано несколько типологий сем, но не изучена их структура, поскольку они считаются элементарными неразложимыми единицами семантики. Если новые методы позволяют проникнуть в строение сем и, выделив субэлементарные семантические элементы через функциональные признаки, установить их оптимальную структуру, то это прояснит механизм, обеспечивающий актуализацию смысла и развитие "по спирали". Не исключено, что эти субэлементарные семантические элементы имеют сверхсегментную природу подобно просодическим элементам и материализуются лишь функционально в процессе коммуникации.

При обращении к физическим закономерностям следует учитывать различие между "слабыми" и "сильными" взаимодействиями элементов, которые физики связывают с особенностями макромира и микромира. В отличие от слабых взаимодействий, сильные взаимодействия плохо поддаются наблюдениям и расчленению. В языке слабые взаимодействия лексических единиц характерны для парадигматики, сильные взаимодействия проявляются в синтагматике. Физика макромира располагает общими законами; некоторые из них представляют интерес для исследования языковых явлений. Физики установили теоретически и доказали экспериментально своего рода

"запрещающие" законы или принципы (предельная скорость света, влияние трения). В лингвистике так же имеются определенные "запреты" (см. [Маковский: 10]). Так, категории "неодушевленность" и "постоянное состояние" релевантны для определения семантических ограничений в сочетаемости слов – нельзя сказать *Шум испугал мой стул* или *Он был высоким каждую ночь* (см. [Чейф 1975: 104]).

Согласно общему принципу относительности движения тело, на которое не действует никакая внешняя сила, может находиться не только в состоянии покоя, но и в состоянии прямолинейного равномерного движения. В физике это положение называется законом инерции [Ландау, Румер 1965: 23]. Наблюдая за развитием и видоизменениями лексических микросистем и их элементов, можно убедиться, что этот принцип справедлив преимущественно для слов, находящихся на периферии словарного состава, поскольку они в меньшей мере подвергаются "внешней силе" – действию экстралингвистических факторов. В том случае, когда язык испытывает сильное воздействие извне, например, в периоды большого наплыва заимствований, происходит сбой в прямолинейном равномерном развитии лексики – видоизменяется не только объем и состав микросистем, но и строение синонимических рядов, их доминант, изменяются смысловые и стилистические коннотации слов и т.п.

Одним из дискуссионных вопросов является соотнесенность таких качеств языковой системы как ее стабильность и объем. И. Фодор сформулировал закон, согласно которому число элементов системы обратно пропорционально ее стабильности – чем меньше элементов в системе, тем она стабильнее, чем больше система, тем она лабильнее [Fodor 1965], ср. другое мнение [Маковский 1988: 117]. Физический закон гласит, что любая работа, проведенная над телом, всякое увеличение энергии тела увеличивает его массу [Фейнман 1968: 77; Ландау, Румер: 70]. Хотя коэффициент пропорциональности между изменением массы и изменением энергии ничтожен, все-таки подобную зависимость можно обнаружить на уровне лексических единиц. Активное использование некоторых слов происходит импульсами, что обусловлено в основном экстралингвистическими факторами (появлением новых реалий, изменением социально значимой оценки прежних реалий, изменением языковой ситуации и т.п.). Это приводит к тому, что семантическая "масса" этих слов увеличивается – появляются новые словозначения и лексико-семантические варианты, расширяется сочетаемость слов. Это характерно для оценочных прилагательных, а также существительных и глаголов, обозначающих новые реалии окружающей действительности. С законом И. Фодора можно согласиться, если сделать допущение, что большая система благодаря значительному числу элементов располагает большими возможностями видоизменения, а малая система ограничена в своих возможностях. Из истории индоевропейских языков известно, что супплетивные словообразовательные микросистемы оказались весьма устойчивыми благодаря своей ограниченности – они включают специализированные названия родственников, титулов, домашних животных, различающихся по признаку пола.

Лексический материал благодаря своей специфичности в большей степени согласуется с физическими явлениями микромира, в котором элементарные частицы подчиняются другим законам. Вероятность как принципиальный подход к природным явлениям в квантовой механике [Фейнман 1968: 53] соотносится с лингвистической гипотезой о вероятностном характере лексических закономерностей.

Физика элементарных частиц считается физикой высоких энергий вследствие сильных взаимодействий этих частиц, включающих субэлементарные частицы – кварки, которые невозможно выделить. Имеются два предположения, объясняющие этот феномен – либо масса кварков настолько велика, что энергия ускорителей не способна их расщелить, либо величина сильного взаимодействия возрастает с увеличением расстояния между кварками. Последнее объяснение кажется парадоксальным, но есть большое искушение указать на аналогичную зависимость в языковых единицах, называемых фразеологическими сращениями. В отличие от других типов фразеологизмов, в сращениях компонентами являются лексические единицы, между кото-

рыми большое "семантическое расстояние", то есть очень слабая смысловая связь или полное ее отсутствие, например: *чертова дюжина, тоска зеленая, дать дуба*. Вместе с тем, именно сращения составляют устойчивое единство, не допускающее замену компонентов.

Дискуссионная проблема о разграничении значения и словоупотребления имеет принципиальную важность для лексикологии и лексикографии. Имеются различные точки зрения по этому вопросу, но он до сих пор остается открытым. Как следует, например, определить статус смыслового компонента прилагательного в сочетании "крутая электроника"? Это значение "сверхсложный, первоклассный" или это всего лишь окказиональное словоупотребление, "мерцающий" лексико-семантический вариант, возникший по аналогии с другими вариантами данного прилагательного, активно употребляемого с положительной коннотацией? Или это одновременно и значение и словоупотребление? Эта двойственность языковых единиц была отмечена М.И. Стеблин-Каменским при рассмотрении проблемы фонемы. Он писал: "не случайно физики не могли обнаружить эту структуру, не смотря на самую совершенную технику и самую строгую и единую теорию, а лингвисты не могут дать вразумительного определения того, из чего состоит эта структура" [Стеблин-Каменский 1974: 114]. Фонемы не наблюдаемы непосредственно, они "представляют собой не физическую, а только функциональную реальность" [Там же]. В семантике слова есть такие элементарные компоненты, которые не выделяемы как структурные единицы и идентифицируются лишь по своей функции. Эта двойственность смыслового компонента – функции находят подтверждение в физике микромира, где имеется понятие "частица–волна". Первоосновы материи представлены как частицы со свойством волн или волны со свойством частиц. На этом уровне разница между веществом и его проявлением стирается [Данин 1961: 217]. В развивающемся языке подобные случаи неизбежны. Значение как семантическая единица формируется постепенно за счет активного словоупотребления в определенной функции, которая стремится перейти от статуса функционального словоупотребления к статусу значения. Этот процесс обусловлен двумя взаимосвязанными свойствами слова – валентностью как его потенцией и сочетаемостью как его реализацией в речи.

Сложной проблемой в лексикологии является понимание соотношенности семантического поля и его элементов. Существует несколько теорий семантического поля, но вопрос о "первичности" или доминировании факторов, формирующих поле, остается дискуссионным. В специальном исследовании микрополя "простота–сложность" на материале английского языка отмечается закономерность – "семантическое расстояние между членами микрополя тем меньше, а связь между словами тем больше, чем больше у них общих семантических компонентов" [Фролова 1984: 7]. Последнее условие существенно для понимания отмеченной выше обратной пропорциональности "массы" (количества семантических компонентов) субэлементарных частиц и семантического расстояния между ними. На основе выделенных семантических оппозиций делается вывод о том, что строение поля зависит от типов корреляции его членов. Наиболее сильный тип связи (непосредственный) отмечается в нулевом и привативном типах [Там же: 9–10]. Этот вывод согласуется с положением квантовой теории поля, которое утверждает, что "первичность" физических объектов по отношению к их взаимодействию не имеет абсолютного характера. "ибо здесь средства взаимодействия могут стать на место самостоятельных объектов, а средствами взаимодействия выступают первоначальные объекты" [Марков 1960: 173]. Это положение хорошо согласуется с упомянутыми выше физическими свойствами "частиц–волн" и их лингвистическими коррелятами – "значением–словоупотреблением".

Итак, каждая ступень познания – аксиомы, закономерности и гипотезы – дополняют друг друга и с разной степенью глубины освещают лексикологические проблемы, которые находятся на разной стадии разработки. В данной статье затронуты лишь некоторые вопросы лексикологической проблематики. Недостаточно отражен ее наиболее сложный, функциональный аспект – ком-

муникативный, заслуживающий обстоятельной монографии. Безусловно, наблюдения, выводы и результаты частных исследований лексики могут быть по достоинству оценены лишь с позиций единой теории слова. Судя по дискуссионному характеру проблем, они связаны преимущественно с функциональной стороной лексики. Повидимому, одной из первоочередных задач лексикологии является обоснование функциональной теории слова на расширенной основе, с привлечением не только устоявшихся аксиом, но также убедительных закономерностей и новых гипотез.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арапов М.В. 1988 – Квантитативная лингвистика. М., 1988.
- Арутюнова Н.Д. 1988 – Типы языковых значений. М., 1988.
- Балицов А.В. 1989 – Семантическая эволюция в современном французском языке за послевоенный период (на материале имени существительного): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989.
- Белая Г.Э. 1995 – Структурно-семантические и функциональные характеристики глагольных аналитических лексем в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.
- Гак В.Г. 1977 – Сопоставительная лексикология. М., 1977.
- Гак В.Г. 1989 – Сравнительная типология французского и русского языков. М., 1989.
- Гаспаров Б.М. 1996 – Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования // Новое литературное обозрение. М., 1996.
- Головин В.А. 1983 – Семантические особенности и сочетаемость прилагательных, выражающих понятие материального состояния в английском, немецком и шведском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983.
- Данин Д.С. 1961 – Неизбежность странного мира. М., 1961.
- Демин В.И. 1981 – Коллоквиальные неологизмы современного немецкого языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1981.
- Жирмунский В.М. 1976 – Общие тенденции фонетического развития германских языков // Общее и германское языкознание. Л., 1976.
- Ивлева Г.Г. 1984 – Вариантность слова и тенденции развития словарного состава в немецком языке: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1984.
- Караулов Ю.Н. 1987 – Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Конечная В.П. 1984 – О системности лексики // ВЯ. 1984. № 1.
- Конечная В.П. 1993 – Семантические типы слов (на материале английского языка) // ВЯ. 1993. № 6.
- Кубрякова Е.С. 1966 – О путях изучения типологических особенностей языка в области словообразования (на материале современных германских языков) // Структурно-типологическое описание современных германских языков. М., 1966.
- Кудреватых Л.П. 1996 – Семиологические основания семантических типов слов в современном английском языке: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1996.
- Ландау Л.Д., Румер Ю.Б. 1965 – Что такое теория относительности. М., 1975.
- Маковский М.М. 1988 – Лингвистическая комбинаторика. М., 1988.
- Маковский М.М. 1992 – Лингвистическая генетика. М., 1992.
- Маргарян С.А. 1988 – Синонимия и антонимия в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1988.
- Марков М.А. 1960 – О современной форме атомизма // ВФ. 1960. № 3.
- Марчук М.В. 1996 – Динамика лексических значений многозначности слов: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1996.
- Никишин М.В. 1988 – Основы лингвистической теории значения. М., 1988.
- Ольшанский И.Г. 1995 – О новых тенденциях в области семантических исследований // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Тезисы международной конференции. Т. II. М., 1995.
- Петренко В.Ф. 1988 – Психосемантика сознания. М., 1988.
- Постовалова В.И. 1980 – Гипотезы как форма научного знания // Гипотеза в современной лингвистике. М., 1980.
- Расторгуева Т.А. 1980 – Варьирование и исторические изменения морфологической системы английского языка: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1980.
- Сводеш М. 1960 – К вопросу о повышении точности в лексико-статистическом датировании // Новое в лингвистике. I. М., 1960.
- Селиверстова О.Н. 1980 – Некоторые типы семантических гипотез и их верификация // Гипотеза в современной лингвистике. М., 1980.
- Стеблин-Каменский М.И. 1974 – Фонема-пучок РП? // Спорное в языкознании. Л., 1974.

- Степанов Ю.С. 1977 – Номинация, семантика, семиология (виды семантических определений в современной лексикологии) // Номинация. Ч. I. М., 1977.
- Тыллер И.С. 1966 – О проблемах омонимии в английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966.
- Ульманн С. 1970 – Семантические универсалии // Новое в лингвистике. V. М., 1970.
- Фейнман Р. 1968 – Характер физических законов. М., 1968.
- Фролова Т.В. 1984 – Семантическая сочетаемость имен "простоты–сложности" и их системность (на материале современного английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1984.
- Чейф У.Л. 1975 – Значение и структура языка. М., 1975.
- Шайкевич А.Я. 1962 – Источники лексической омонимии в германских языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1962.
- Шмелев Д.Н. 1973 – Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
- Шубина О.И. 1983 – Антонимические отношения прилагательных в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983.
- Щур Г.С. 1971 – О типах лексических ассоциаций в языке // Семантическая структура слова. М., 1971.
- Щур Г.С. 1974 – Теория поля в лингвистике. М., 1974.
- Якобсон Р. 1963 – Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание // Новое в лингвистике. III. М., 1963.
- Gowan H.K.J. 1959 – A note on statistical methods in comparative linguistics // *Lingua*. 1959. V. 8. № 3.
- Fodor I. 1961 – The validity of glottochronology on the basis of the Slavonic languages // *Studia Slavica*. T. VII. Fasc. 4. 1961.
- Fodor I. 1965. – The rate of linguistic Change. Limit of application of mathematical methods in linguistics. The Hague, 1965.
- Halliday M.A.K. 1966 – General linguistics and its application to language teaching // A. McIntosh, M.A.K. Halliday. Patterns of language (Papers on general, descriptive and applied linguistics). London, 1966.
- Vachek J. 1966 – On the integration of the peripheral elements into the system of language // TLP. 2. Prague, 1966.
- Wierzbicka A. 1980 – *Lingua mentalis*. The semantics of natural language. Sydney; New York; London, 1980.
- Zipf G.K. 1945 – The repetition of words. Time-perspective and semantic balance // *The journal of general psychology*. XXXII, 1945.